J 2/179

ДОНСКАЯ БЕСѢДА

и

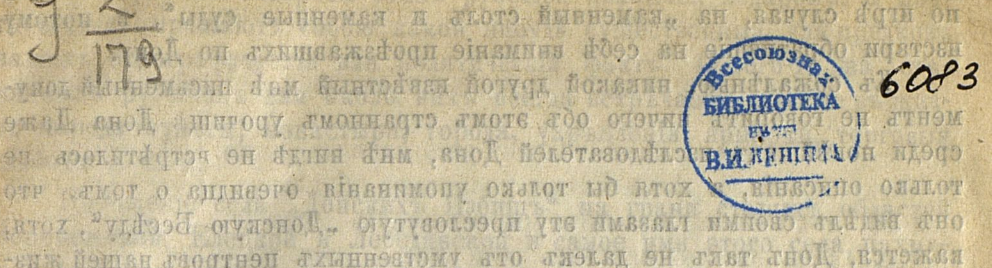
СОСѢДНІЯ ЕЙ ДРЕВНІЯ УРОЧИЩА

ДОНА.

Е. Маркова.

ВОРОНЕЖЪ.
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1896.

2007084320



Донская Бесѣда и сосѣднія ей древнія урочища Дона.

(Путевыя замѣтки).

Вездѣ, гдѣ живетъ культурный человѣкъ, его тянетъ узнать прошлое своей земли. Дорого найти въ какомъ нибудь старомъ хламѣ дѣдовской кладовой забытые портреты своихъ забытыхъ предковъ. Также дорого розыскать уцѣлѣвшія подъ наслоеньями новой жизни большею частью тоже всѣми забытыя характерныя черты старой исторіи земли родной... Меня, по крайней мѣрѣ, во всякомъ новомъ краю, гдѣ приходится побывать, непобѣдимо влечетъ прежде всего осмотрѣть съ любопытствомъ его темные и далекіе уголки, съ тайною надеждою, не попадется-ли въ нихъ случайно какого-нибудь обломка прошлаго, чего-нибудь такого, что хотя сколько-нибудь могло бы воскресить въ моемъ воображеніи прошумѣвшую здѣсь когда-то жизнь моихъ отцовъ...

Этотъ внутренній порывъ давно тревожилъ меня желаньемъ узнать что нибудь вѣрное на счетъ загадочной „Донской Бесѣды", о которой говоритъ книга Большаго Чертежа, и которая по всѣмъ даннымъ должна находиться въ предѣлахъ Воронежской губерніи, тѣмъ болѣе, что всѣ ея немногія уцѣлѣвшія древности я, гдѣ только могъ, розыскалъ, осмотрѣлъ и даже описалъ...

Въ „Книгѣ глаголемой Большому Чертежу", составленной въ первый разъ при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, сынѣ Грознаго, „поновленной въ разрядѣ и списанной въ книгу 1627 года", уже при Михаилѣ Федоровичѣ Романовѣ, въ описаніи мѣстностей по теченію Дона сказано между прочимъ:

„А на устье рѣки Красивая Меча, съ вышнія стороны, Волотова могила". *„А ниже устья Сосны на Дону, Донская Бесѣда, каменный столъ и каменные суды"*.

Вотъ и всѣ историческія свѣдѣнія объ этой „Донской Бесѣдѣ".

При совершенномъ отсутствіи болѣе точныхъ свѣдѣній о Донской Бесѣдѣ, естественно было предположить, что эти таинственные „каменный столъ и каменные суды" были не дѣломъ рукъ человѣче-

скихъ, а какія нибудь скалы или камни особенной формы, похожіе, по игрѣ случая, на „каменный столъ и каменные суды“, и потому изстари обратившіе на себѣ вниманіе проѣзжавшихъ по Дону.

Къ сожалѣнью, никакой другой извѣстный мнѣ письменный документъ не говоритъ ничего объ этомъ странномъ урочищѣ Дона. Даже среди новѣйшихъ изслѣдователей Дона, мнѣ нигдѣ не встрѣтилось не только описанія, а хотя бы только упоминанія очевидца о томъ, что онъ видѣлъ своими глазами эту пресловутую „Донскую Бесѣду“, хотя, кажется, Донъ такъ не далекъ отъ умственныхъ центровъ нашей жизни, и Книга Большаго Чертежа достаточно извѣстна образованнымъ русскимъ. Всѣ же авторы, которые упоминаютъ о „Донской Бесѣдѣ“ въ своихъ книгахъ, исключительно ссылаются на текстъ книги Большаго Чертежа, приведенный мною выше, и иногда своими поразительными ошибками (какъ напр. Карамзинъ въ исторіи Россійскаго Государства) ясно свидѣтедьствуютъ, что они незнакомы даже съ главнѣйшими фактами гидрографіи Дона...

Осмотръ мною на томъ же Дону, въ предѣлахъ той-же Воронежской губерніи, крайне любопытныхъ и своеобразныхъ мѣловыхъ столповъ, у устья другой рѣки Сосны, тоже впадающей въ Донъ,—Сосны Тихой, а не Быстрой,—убѣдили меня, что странныя формы природныхъ явленій, поражавшія подобно „Большимъ и Малымъ Дивамъ“ воображенье полудикихъ народовъ древности, весьма часто побуждали эти народы обращать ихъ въ свои святыни и различнымъ образомъ приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ. То же вывелъ я и изъ осмотра другаго интереснаго историческаго утеса на берегу Дона—Камня Буила. Какъ Большія и Малыя Дивы, такъ и Камень Буилъ, носящіе на себѣ явные слѣды религіознаго поклоненія древнихъ язычниковъ, въ тоже время помѣщаются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя должны были играть значительную роль какъ въ тогдашнихъ способахъ сообщенія береговыхъ жителей, такъ и въ системѣ защиты ихъ...

Это соображенье невольно направляло поиски забытаго древняго урочища—къ какимъ нибудь знаменательнымъ пунктамъ Донскаго теченья.

При частыхъ дѣловыхъ поѣздкахъ моихъ по окрестностямъ Дона, я старался поэтому пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы подробно ознакомиться съ формаціею его береговъ вездѣ, гдѣ представлялась для меня вѣроятность натолкнуться на потерянное урочище книги Большаго Чертежа. Поѣздки мои въ Докторово, Донскія Избища и Патріаршую—давали мнѣ къ этому особенно удобный поводъ. Село „Донскія Избища“ лежитъ на самой сѣверной грани Воронежской губерніи, въ той послѣдней удаленной точкѣ ея, докуда достигаетъ вбитый клиномъ между Орловскою и Тамбовскою губерніями Задонскій уѣздъ. У Донскихъ Избищъ Донъ первый разъ входитъ въ предѣлы Воронежской губерніи. Я давно пришелъ къ заключенію, что границы вашихъ губерній и уѣздовъ при всей кажущейся произвольности и случайности ихъ имѣютъ историческій смыслъ, часто недостаточно оцѣнива-

емый. Капризные повороты этихъ рубежей являются недаромъ, а почти всегда выражаютъ собою какой нибудь существенный для предковъ нашихъ этнографическій или политическій фактъ. Оттого-то на старинныхъ рубежахъ или около нихъ всегда встрѣчаешь важные въ жизни народа пункты, монастыри, города, укрѣпленія, ярмарки, торговыя слободы и т. п.

Положеніе села „Донскихъ Избицъ“ на грани старыхъ областей Воронежской, Елецкой и Лебедянской и самое имя этого села, пахнущее глубокою стариною, невольно настораживало мое вниманіе. Обнадеживали меня также названья и положеніе нѣкоторыхъ селеній, черезъ которыя нужно было ѣхать отъ станціи желѣзной дороги „Донъ“ къ Донскимъ Избищамъ. На полупути лежала д. Обѣдище, потомъ д. *Донская*, обѣ у Дона. Кто знаетъ, не сохранилось-ли въ памяти стариковъ этой самой Донской дальнѣйшее старинное прозванье ея „Донской Бесѣды?“, мечталось мнѣ.

Дѣйствительность однако разочаровала мои ожиданія. Прежде всего пришлось проѣхать черезъ богатую и отлично устроенную экономію с. Скорнякова, принадлежавшую прежде Н. Н. Муравьеву—Карскому, а теперь его зятю Г. А. Черткову. Новый владѣлецъ построилъ около Дона паровую водокачку для обводненья безводныхъ мѣстностей своего имѣнья и, какъ мнѣ разсказывали здѣшніе жители, орошаетъ теперь съ помощью этой водокачки до 80 десятинъ земли. Сколько я знаю, это единственная до сихъ поръ въ Воронежской губерніи попытка искусственнаго орошенья земель такимъ довольно дорогимъ путемъ, но мнѣ неизвѣстны практическіе результаты этого опыта.

Дорога идетъ все время вдоль лѣваго берега Дона на встрѣчу его теченію. Но здѣсь берега Дона уже совсѣмъ не похожи на тѣ живописныя бѣлыя стѣны и бастіоны, которыми они провожаютъ его синюю ширь въ Павловскомъ, Коротоякскомъ и Острогожскомъ уѣздахъ. Въ этихъ низкихъ и мало интересныхъ берегахъ самъ Донъ не производитъ уже впечатлѣнія величественной исторической рѣки, какимъ я его знаю по болѣе южному его теченію.

При впаденіи въ Донъ Быстрой Сосны, къ моему разочарованью, такіе же низменныя и ничего не говорящіе берега. Оба берега Сосны и весь разрѣзъ ея устья хорошо видны съ этой стороны; они сходятъ къ рѣкѣ пологими скатами и нигдѣ, ни на Дону, ни на Соснѣ—ничего похожаго на утесы или камни. Справа отъ устья Сосны бѣлѣетъ высокая церковь села Голикова, слѣва протягивается по берегу Дона красивая и богатая усадьба Бибикова „Обѣдище“, немного выше устья Сосны. Вмѣсто характерной исторической мѣстности, какую я надѣялся здѣсь найти, —я увидѣлъ ничтожную деревушку среди плоской равнины полей. На противоположномъ берегу Дона—такія же плоскія поля...

Я старался развѣдать у стариковъ этой деревушки, не знаютъ-ли они „какой нибудь старинки“ про свою мѣстность и какое мѣсто на

Дону слыветъ у нихъ подъ именемъ „Донской Бесѣды“, но никто не слыхалъ ничего о Донской Бесѣдѣ и ничего не зналъ ни о какой старинкѣ.

— Съ чего же это прозвали вашу деревню Обѣдище? спрашивалъ я ихъ.

— А Богъ ее знаетъ! Такое ужъ значить званіе ей: Обѣдище, да Обѣдище; и въ документахъ у насъ по бумагамъ тоже Обѣдище зовется, и по планамъ землемѣрскимъ опять же такъ, а мы почемъ знаемъ, какъ оно по настоящему нужно... отговаривались отъ меня осторожные старики.

— Обѣдали тутъ что-ли у васъ въ старину, когда почту съ Тулы да съ Москвы гоняли, или что? допытывался я.

— Никакихъ у насъ обѣдовъ не бывало... Деревня, извѣстно, мужицкая, а съ мужика какіе спрашивать обѣды? съ нѣкоторою насмѣшкою отвѣчали мнѣ ..

— Даромъ всетаки не назовутъ, продолжалъ настаивать я. Вѣдь вотъ называютъ одно село Покровскимъ, потому что церковь во имя Покрова, а другое, напримѣръ, Крутымъ, потому что на горѣ крутой, ну а ваша же деревня съ чего Обѣдищемъ прозвалась?

— Обида, значитъ, какая нибудь допрежь была! сказали вдругъ сдержаннымъ голосомъ и глядя въ сторону оба старика. Съ того, видно, и прозвали.

У простыхъ русскихъ людей нѣтъ личныхъ взглядовъ. То, что говоритъ вамъ одинъ мужикъ, то, значитъ, думаетъ весь народъ. Стало быть, народъ считаетъ свою деревню Обидищемъ, а не Обѣдищемъ. Но какая это была „Обида“, обезсмертившая себя именемъ цѣлаго поселенья,—я однако не узналъ, да, повидимому, и сами туземцы, передавшіе мнѣ свое интимное преданье, тоже не знаютъ ее.

На Рязанскомъ областномъ говорѣ существуетъ до сихъ поръ глаголъ „*обѣдить*“, то есть привести въ бѣду, въ раззоренье (см. толковый словарь Даля); существительное „*обѣдище*“ само собою рождается изъ этого глагола, а мѣстность Задонскаго уѣзда издревле принадлежала къ Рязанскимъ мѣстамъ и должна была сохранить въ себѣ слѣды Рязанскаго говора.

Впрочемъ названье „Обѣдище“ могло имѣть и совсѣмъ другое значенье, болѣе близкое къ сохранившейся формѣ этого имени. Древній государственный путь изъ стольнаго города Россіи на югъ, въ Донщину, на Кавказъ и нижнюю Волгу,—истари шелъ этими мѣстами. Съ Тулы и Ефремова на Елецъ и Воронежъ, или съ Данкова на Лебедянь, Липецкъ и Воронежъ, и въ „обѣдищѣ“ могло быть въ то время перепутье такого рода, гдѣ по разсчету времени проѣзжимъ приходилось обыкновенно обѣдать. Съ другой стороны, на этомъ мѣстѣ въ древнѣйшія, языческія времена могло быть какое нибудь требище, гдѣ совершались жратвы или жертвы, то есть священные обѣды на тризнахъ и другихъ языческихъ празднествахъ придонскихъ жителей, какихъ нибудь Будиновъ или даже Сѣверянъ,—и это далекое народ-

ное воспоминанье могло удержаться въ теченіи вѣковъ въ названіи селенья. Окончаніе „ище" въ русскомъ языкѣ, кромѣ увеличительнаго смысла, еще имѣетъ значенье чего нибудь прежде существовавшаго на этомъ мѣстѣ: такъ „городище"—значитъ мѣсто прежде бывшаго города,—„глинище"—мѣсто, гдѣ прежде брали глину, „пожарище"—мѣсто, гдѣ прежде былъ пожаръ, „побоище"—мѣсто, гдѣ происходилъ прежде бой и т. п. Слово „Обѣдище"—могло, примѣняясь къ этому, обозначать мѣсто былыхъ жратвъ или обѣдовъ...

Только отъ села Гагарина мѣстность дѣлается сколько нибудь красивою. Гагарино стоитъ на изгибѣ Дона, усѣянномъ живописными островками, на которыхъ густыми и гонкими рощицами засѣла молодая ива. На песчаныхъ отмеляхъ, нанесенныхъ теченьемъ самого-же Дона, картинно вырѣзаются среди густой зелени деревьевъ мельничныя строенія Окорокова, защищенныя отъ напора весеннихъ льдовъ оригинальною каменною стѣною. Усадьба Окорокова виднѣется на томъ берегу.

Деревня Донская тоже на довольно красивомъ мѣстѣ; напротивъ нея, на кручѣ праваго берега, с. Отскочное. Это имя не разъ встрѣчается на берегахъ Дона и, должно быть, обозначаетъ собою поселокъ, выдѣлившійся нѣкогда изъ другаго, стараго, и *отскочившій* отъ него на порядочное разстояніе. Ни изъ разспросовъ, ни изъ осмотра береговъ—нельзя было найти ни одного намека на нахожденье здѣсь „Донской Бесѣды", какъ ни характерно само по себѣ это мѣсто. Донъ здѣсь дѣлаетъ нѣсколько рѣзкихъ петель, и на одной изъ нихъ, сейчасъ же выше Донской, большое село Докторово. Здѣсь богатая и благоустроенная помѣщичья экономія Пальчикова, обставленная цѣлымъ лѣсомъ хлѣбныхъ скирдовъ...

Но само село совсѣмъ не привлекательно, какъ вообще села этой придонской мѣстности. Всѣ они производятъ впечатлѣніе безпріютности, безхозяйственности; избы сбиты въ тѣсныя кучи безъ насиженныхъ дворовъ, безъ деревьевъ, безъ огородовъ, безъ трубъ на крышахъ. По обычаю Задонскаго уѣзда, среди нихъ довольно много встрѣчается и кирпичныхъ домовъ, но не тѣхъ характерныхъ и чистоплотныхъ домовъ, расписанныхъ въ стилѣ святонедѣльной писанки, какими я любовался около Задонска, а какіе-то неряшливые, полуоконченные, безъ всякаго стиля.

Донскія Избища всего въ 7 верстахъ отъ Докторова при началѣ довольно замѣтной луки Дона. Правый берегъ противъ Избищъ порядочно крутой, хотя опять таки безъ слѣдовъ скалъ, а Избища—на лѣвомъ, низменномъ берегу. О „Донской Бесѣдѣ" никто не слыхалъ и ничего не знаютъ.

Сталъ распрашивать народъ, кто постарше,—что это за названье „Донскія Избища"? Опять никакихъ объясненій, никого, повидимому, не занимаетъ смыслъ имени и исторія своего роднаго села.

— Избы здѣсь что-ли какія нибудь особенныя были въ старину? Не слыхали никогда отъ дѣдовъ своихъ? навожу я ихъ на какое нибудь воспоминанье дѣтства.

— „А кто ихъ знаетъ, можетъ, и были какія.. Намъ не въ память и отъ стариковъ не слыхали... Зовется просто село наше „Донскія Избища", а съ чего зовется,—Господь вѣдаетъ... Колибъ мы грамотные были—ну другое дѣло, отвѣчаютъ мнѣ.

Но однако я всетаки добился какого нибудь осмысленнаго отвѣта. Церковный причетникъ, устыдясь невѣжества своихъ прихожанъ и согражданъ, долго хмурился и наконецъ сказалъ рѣшительно:

— Пустое вы все говорите барину. А зовется село наше Донскими Избищами потому, что въ старину стародавнюю мужиковъ здѣсь на Дону *избили*, а кто говоритъ и самого Царя Петра перваго! вотъ отчего и избища... Я еще отъ стариковъ древнихъ это слыхалъ..

Такимъ образомъ, и здѣсь какъ въ Обѣдищахъ народное преданье, а, можетъ быть, и народная фантазія, объясняетъ себѣ совсѣмъ не такъ какъ мы происхожденье своего села. А такъ какъ у простаго народа чутье языка гораздо живѣе, чѣмъ у насъ, образованныхъ людей, и такъ какъ историческія преданья живутъ въ немъ гораздо глубже и дольше, чѣмъ у насъ, то, мнѣ кажется, и слѣдуетъ дать предпочтенье его терминологіи, тѣмъ болѣе, что окрестности Дона безъ того полны названьями мѣстъ, сохранившими на себѣ самыя несомнѣнныя воспоминанья о былыхъ „обидищахъ" и „избищахъ", въ родѣ села Погромнаго и другихъ. „Избоище"—также близко къ „избищу", какъ „обидище" къ „обѣдищу" Села съ названьемъ „*избищи*" существуютъ и въ другихъ мѣстностяхъ; такъ, напр., въ словарѣ Щекатова показано большое село „Избищи" въ Калужской губерніи.

С. Патріаршее уже не къ сѣверу, а къ югу отъ ст. Донъ Орловско-Грязской желѣзной дороги. На этой дорогѣ, не переѣзжая за рѣку Донъ, даже есть полустанокъ Патріаршее, откуда всего верстъ 5 до села.

С. Патріаршее интересовало меня въ разныхъ отношеніяхъ. Во первыхъ, это одно изъ самыхъ старинныхъ береговыхъ селъ Дона съ историческимъ именемъ своего рода, а во вторыхъ, противъ с. Патріаршаго, на правомъ берегу Дона, извѣстныя Галичьи Горы, которыя нѣкоторые мѣстные знатоки края (напр. М. А. Веневитиновъ),—принимаютъ именно за „Донскую Бесѣду" Большаго Чертежа.

Я въѣхалъ въ село со станціи Донъ, съ Орловской стороны, по длинному трясущемуся мосту. Отъ вокзала до деревни всего 4 версты. Село огромное, протянулось на нѣсколько верстъ вдоль круглой излучины Дона, по невысокому его берегу...

И здѣсь тоже безотрадное впечатлѣнье. На грязной базарной площади большіе богатые дворы съ кабаками и лавченками, но огромная масса избъ—натыкана тѣсно другъ на друга въ непроѣзжихъ проулкахъ безъ дворовъ, безъ одного деревца, среди возмутительнаго свинства и безпріютности. На крышахъ вмѣсто соломы прѣлый навозъ, трубъ нѣтъ, иныя полураскрыты, иныя провалились на половину...

Ямщикъ меня везетъ бывалый, разговорчивый и общительный до панибратства, по типу, впрочемъ, пьяница и лодарь; все у него, отъ

одежды и шапки до телѣги и сбруи,—одно сплошное свинство и неудобство. Въ этой трясучей тачкѣ, которую онъ изъ вѣжливости величаетъ тарантасикомъ, онъ завтра, навѣрное, повезетъ вмѣсто пассажира навозъ, и также мало какъ о навозѣ заботится теперь объ этомъ пассажирѣ. Даже попонки у него нѣтъ, прикрыть неопрятную кучу соломы, на которой я не сижу, а болтаюсь во всѣ стороны, не куда протянуть ногъ, некуда поставить вещей въ этомъ почтовомъ экипажѣ для путешественниковъ.

— Отчего село ваше зовется Патріаршимъ? сталъ я его по обыкновенію спрашивать.

— Патріархъ у насъ какой то тутъ проживалъ, сказываютъ старики; только давно это дѣло было, такихъ даже и стариковъ у насъ не осталось, чтобы его помнили. Съ того и зовется Патріаршимъ.

— Что-жъ, какъ старики разсказываютъ, лучше вамъ тогда жилось при Патріархѣ, или хуже чѣмъ теперь?

— Какже-жъ можно сравнить! Наше село тогда за 10 верстъ объѣзжали, боялись всѣ Патріарха; никто ни съ чѣмъ къ намъ явиться не смѣлъ. Мы оттого и господскими никогда не были, отродясь. Патріархъ не допускалъ. Такое и завѣщанье сдѣлалъ. Послѣ кто—никто приступался, да не могли ничего: одинъ умретъ, другой ослѣпнетъ, такъ и не могли нами обовладать, оставались мы съ покон вѣку вольными..

—Осталась-же память какая отъ вашего Патріарха, домъ тамъ, или монастырь, или другое что?

— Никакихъ примѣтъ не осталось, и гдѣ онъ тутъ жилъ, Патріархъ этотъ самый,—ничего не видать, и не помнитъ никто, и какъ его звали никто не знаетъ.. Мельницы вотъ только его остались: монастырскія теперь; одна Митрофановскаго монастыря, что въ Воронежѣ, а другая—Задонскаго монастыря.. А у насъ никакого монастыря не бывало..

— Земли жъ, по крайней мѣрѣ, много оставилъ вамъ Патріархъ?

— Земли прежде въ волю было.. Вонъ видите на той сторонѣ, за Дономъ, показалъ мнѣ кнутомъ ямщикъ на разстилавшуюся къ желѣзной дорогѣ низину,—хотя это и Орловская губернія считается, а земля наша, на 15 верстъ отъ Дона, отъ рѣки вся наша. Это намъ Царица Катерина пожертвовала, давно еще. Видѣли наши мужики, что земля тутъ понапрасну гуляетъ, а народу у насъ много развелось, земли то своей не дюже чтобъ густо; вотъ и посовѣтовалъ одинъ нашъ мужикъ умный,—давайте, говоритъ, старики, Царицу просить, не будетъ-ли ея къ намъ милость, не пожертвуетъ-ли она намъ ту землю пустопорожнюю? Ну, выбрали, конечно, его ходокомъ, приговоръ выправили, денегъ на хлопоты собрали, сколько тамъ со двора съ каждаго приходилось,—отправили къ царицѣ. А Голиковскій мужикъ,—вонъ что Голиково село стоитъ теперв на Соснѣ рѣкѣ, въ Елецкомъ уѣздѣ, недалеко тутъ,—прослышалъ про это, говоритъ своимъ: это, братцы, наша земля, мы, говоритъ, никакимъ манеромъ на это не сог-

ласны, чтобъ имъ ту землю отрѣзать; тоже и они его къ царицѣ собрали, что бы земли то есть не давать, вмѣстѣ съ нашими и отправили... Пьютъ это и ѣдятъ они вмѣстѣ дорогою, все равно какъ братья. Голиковскій и говоритъ: коли выйдетъ приказъ Царскій вамъ отрѣзать,—видно. такъ тому и быть, мы этому помѣхой не будемъ; ну, а не выйдетъ, наше счастье... Вотъ вѣдь какой въ старину народъ-то былъ христіанскій! перебилъ самъ себя ямщикъ, съ сочувственнымъ удивленьемъ оборачиваясь вдругъ ко мнѣ. На судъ ѣхали другъ съ дружкой судиться, а ѣдятъ—пьютъ вмѣстѣ, балакаютъ словно братъ съ братомъ Теперь нешто народъ нонѣшній сталъ-бы такъ?...—Ну, ничего! сталъ продолжать онъ другимъ, болѣе равнодушнымъ голосомъ. Только нашъ то мужикъ поумнѣе былъ Голиковскаго: сталъ его все больше пригощать, выпей, молъ, да выпей! а самъ поддерживается. Пріѣхали въ Питеръ къ Царицѣ, онъ и напой того-то мужика настоящимъ манеромъ, а завтра рано Царицѣ на глаза являться надо. Тотъ то до полудня проспалъ, а нашъ передъ ликъ Царскій какъ есть въ своемъ видѣ и отъявился... — извѣстно, тамъ по сказкѣ! Доказываютъ тамъ солдаты: такой то, молъ, крестьянинъ изъ Патріаршаго села, уѣзду Задонскаго, Воронежской губерніи!—„здѣсь, молъ!"—„А изъ Голикова села, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи, такой то!"—„нѣту, молъ!"—Ну, извѣстно, порядки тамъ настоящіе, не то, что у насъ въ деревнѣ,—3 раза выкликнули,—нѣтъ, и шабашъ! кончено дѣло; купчую это нашему въ руку сейчасъ, плантъ, межеваго отряжаютъ. Межевой пріѣхалъ,—извѣстно начальство,—приказалъ сейчасъ мужиковъ собрать, говоритъ Голиковскимъ: „сколько мнѣ отъ васъ магарычу будетъ, чтобы поменьше земли имъ отрѣзать?" А тѣ дураки закосаурились, ломаться стали. „Вотъ говорятъ, еще какой обыскался, землю отрѣзаетъ, да еще магарычи ему подавай. Да мы, говорятъ, очень просто земли ему рѣзать не дадимъ!.." А какъ не дать, коли Указъ Царскій! Вотъ то то дурачье глупое. Межевой и говоритъ: „Это что же вы, играть со мною вздумали? Погодите-жъ, говоритъ, я вамъ покажу кузькину мать!" Къ нашимъ сейчасъ: „Видно, говоритъ, ужъ съ васъ, старички, магарычи мнѣ получать. Сказывайте, говоритъ, сами, сколько земли вамъ рѣзать? Ну, наши поумнѣе тѣхъ дураковъ были, поладили съ межевымъ. Вотъ онъ, межевой то тотъ, и отхватилъ намъ тогда ихней земли какъ есть на цѣлыхъ 15 верстъ!

— Такъ у васъ значитъ, вдоволь земли, не то что у другихъ? спросилъ я.

— Нѣтъ все-жъ таки не хватаетъ на всѣхъ. Дюже много народу развелось. 3500 душъ въ податяхъ! Сказать страсть. На душу на живую по полъ-десятинки въ полѣ приходится, а усадьбы и полудесятины нѣтъ; видите, какъ сидимъ, кошкѣ негдѣ пролѣзть между хатъ, подъ сливное! Оборони Богъ, пожаръ, сразу полъ-села смахнетъ. Чтожъ ты съ такою землею подѣлаешь? Чѣмъ прокормиться, чѣмъ подати уплатить? Да еще на той сторонѣ, гдѣ село, пески все больше, камень, чернозему мало...

— А камень развѣ не доходъ? Въ вашей сторонѣ небось камень на расхватъ покупаютъ. Желѣзная жъ дорога близко... А у васъ вонъ я вижу весь берегъ изъ камня... замѣтилъ я.

— Нашего камня никто не требуетъ, покупателевъ странных на него не обыскивается. На свою нужду только ломаемъ: вонъ видите, сараи себѣ, огорожи городимъ, сѣнцы къ избамъ... а на хорошее дѣло онъ не идетъ, кропокъ дюже и отесывать его трудно. Въ бутъ онъ вотъ тоже пригоденъ, да тутъ вѣдь у насъ скрозь берегъ весь—камень, бери не хочу! Кому онъ нуждѣнъ?

— А лѣсовъ у васъ не осталось?

— Есть у насъ лѣсишко, луга тоже есть, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ вымолвилъ ямщикъ. Это не дѣленное, вопче держимъ, ну, стало быть, опять бездоходица... Отъ насъ вотъ, пожалуй, и подъ дорогу желѣзную земля отошла, тысячъ не поболѣ-ли двѣнадцати получать бы намъ съ нея надо, а съ прбцентомъ теперь, поди, и 20 наберется, потому дѣло давнее... Ну, вотъ одначе не попадаютъ намъ въ ротъ эти денежки да и только...

— Чего-жъ такъ?

— Да кто его знаетъ? То-то вотъ обчественное дѣло что значитъ... Тотъ говоритъ, мнѣ не нужно, другой говоритъ, мнѣ не нужно. Объ общемъ дѣлѣ кому нужда болѣть? Коли-бъ свое, ну, другая статья! Мы ужъ такъ думаемъ, не мошельничаютъ-ли съ нами начальники волостные, ужъ не получаютъ-ли они тайкомъ прбцентъ съ тѣхъ денегъ? Вы вотъ люди грамотные, какъ вы объ этомъ полагаете? Можетъ оно такъ-то быть?

— Да вѣдь на это-жъ приговоръ бы мірской былъ нуженъ. Безъ того бы имъ денегъ не выдали...

— Вотъ! долго имъ приговоръ поддѣлать... Штенпеля всѣ у нихъ, и рукъ не станутъ отбирать, а напишутъ очення себѣ просто, что отбирали.. Судись ты тамъ поди съ ними!.. А мужикъ нашъ что баранъ, нешто онъ понимаетъ что?

Я не разубѣждалъ огорченнаго ямщика и только перевелъ разговоръ на другой предметъ.

— Рыбы у васъ въ Дону небось пропасть? спросилъ я его. Какая больше ловится?

— Прежде много рыбы было, и стерлядь крупная попадалась, и судакъ, а теперь рѣка наша все мелѣетъ, песками ее занесло, даже гдѣ и босикомъ перейти можно, на четверть воды всего сверхъ песку, такія мѣста есть; какая ужъ тутъ рыба!

— Чудаки вы, право! засмѣялся я. Живете вы у самаго Дона, желѣзная дорога черезъ ваше поле бѣжитъ, вонъ даже вокзалъ на вашей землѣ, а все охаете, что доходовъ никакихъ нѣтъ! Даетъ же вамъ хоть желѣзная дорога какой-нибудь заработокъ?

— Да, можетъ, сотнѣ-другой и даетъ, согласился извощикъ. Есть тоже и промежъ насъ богатенькіе, даже и проценшики есть, а то просяники, рушешники... Какіе вотъ кабаки держатъ, лавки, мельницы

снимаютъ. Одинъ нашъ мужичекъ такъ тотъ семь мельницъ держитъ, монастырскія двѣ, а то обчественныя. У насъ тутъ по Казинкѣ, что вотъ мы сейчасъ переѣхали, — мосточекъ былъ, — скрозь мельницы, одна на одной сидитъ. Нашъ вѣдь народъ изстари пшонами занимается, просяная сторона у насъ. На какомъ базарѣ ни спросите, хочь въ губерніи теперь, хочь въ Задонскѣ, хочь въ Ельцѣ, — супротивъ нашего Патріаршаго проса другаго нѣтъ. Пластовое у насъ завсегда просо, кисть тяжелая, зерно крупное, не хуже утиная дробь... Да вѣдь этою торговлей опять-таки богачики занимаются, а рядовой нашъ народъ — одна бѣднота! Прежде — куда-жъ сравнить! Много богаче было наше село; почитай всякій дворъ извозомъ занимался, по три, по пяти троекъ держивали. У насъ въ семействѣ тоже три тройки было, у отца покойника. Гоняли и въ Елецъ, и въ Лебедянь, и въ Липецкъ, и въ Москву въ самую; а то въ Задонскъ, въ Воронежъ, куда порядишься, — по всѣмъ трактамъ; лѣсъ возили и хлѣбъ, и всякій товаръ. А теперь чугунка прошла, — всему шабашъ! Всего мы рѣшились... Грошъ мѣдный съ пуда даютъ до вокзала, такъ это развѣ заработокъ, — 15 коп. съ воза? Ничего намъ пользы дорога эта желѣзная не принесла, окромѣ только что раззорила въ конецъ!...

Я видѣлъ, что мой возница слишкомъ крѣпко былъ проникнутъ недовольствомъ на новыя времена и потому охотно повернулъ разговоръ на старину. Равно мы были какъ разъ въ виду Галичьей Горы, которая поднимается на Орловской сторонѣ Дона противъ южнаго конца села Патріаршаго.

Гора эта сама по себѣ не особенно высокая, но въ этой мѣстности низкихъ и плоскихъ береговъ — выдается довольно эффектно. На вершинѣ ея деревня Галичья, а за нею с. Липовка, — родина св. Тихона Задонскаго, куда этотъ кроткій святитель, будучи уже на покоѣ, любилъ ѣздить изъ Задонскаго монастыря къ своимъ пріятелямъ Бехтѣевымъ, владѣльцамъ Липовки.

Отъ мѣстныхъ жителей я не разъ прежде слышалъ, будто въ Галичьей горѣ есть какія-то пещеры, преданья о Кудеярѣ и другихъ разбойникахъ.

Но ямщикъ мой упорно отвергалъ эти разсказы.

„Въ Галичьей горѣ ничего нѣту, никакихъ пещеръ, увѣрялъ онъ. Камни только есть огромадные, да норья неглубокія, а чтобы жилье тамъ какое было — никакой примѣты нѣтъ, и слуху такого не бывало. Ни Кудеяра тамъ никакого не было, ни разбойниковъ, даже старички наши объ этомъ не слыхивали...

Я не особенно проникся вѣрою въ отрицанья моего скептическаго возницы, но по наружному виду горы не могъ примѣтить въ ней ничего похожаго на „столъ каменный и каменные суды“, и пришелъ поэтому къ заключенію, что „Донскую Бесѣду“ слѣдуетъ искать не въ Галичьей горѣ, хотя по своей близости къ устью Быстрой Сосны она повидимому оправдываетъ болѣе другихъ здѣшнихъ мѣстъ описанье Большаго Чертежа и напрашивается поэтому скорѣе всего на это пред-

положеніе. Галичья гора была во всякомъ случаѣ однимъ изъ важныхъ пунктовъ въ системѣ защиты Донскаго берега и въ эпоху построенія города Воронежа (въ 1586 году) „на Дону подъ Галичьими горами“ уже стояла постоянная сторожа, наблюдавшая за приближеніемъ кочевниковъ съ Ногайской стороны, то-есть отъ теперешняго Задонскаго уѣзда.

Село Патріаршее, собственно говоря, носитъ названіе Нижній Студенецъ. Оно было вотчиною патріарха Филарета Никитича Романова, и безъ сомнѣнія, народныя воспоминанія о патріархѣ, сохранившіяся до нашего времени, относятся ни къ кому другому, какъ къ нему. Вообще замѣтно, что бояре Романовы имѣли въ этой сторонѣ очень обширныя вотчины. Недалеко отсюда, не доѣзжая верстъ 10, 12 до г. Липецка, на р. Воронежѣ до сихъ поръ стоитъ подъ названіемъ села Романова бывшій городъ Романовъ, принадлежавшій прежде тѣмъ же боярамъ, и теперь сохранившій въ церквахъ своимъ дары первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Еще ближе, въ Задонскомъ уѣздѣ, очен значительная мѣстность сосѣдняя съ г. Задонскомъ, на которой теперь находятся села Рѣпецъ, Мокрый Буеракъ и многія другія села, принадлежала также боярамъ Романовымъ. Въ Бобровскомъ уѣздѣ той же Воронежской губерніи имъ принадлежало село Боброво на Битюкѣ, въ которомъ устроенъ былъ Петромъ I-мъ конскій заводъ и хозяйственный дворъ, и которое было обращено впослѣдствіи въ уѣздный городъ Бобровъ. Можетъ быть, это обиліе родовыхъ владѣній по Дону, Воронежу и Битюку и дало случай Петру Великому еще въ дѣтствѣ ознакомиться съ удобствами этихъ мѣстностей для задуманнаго имъ кораблестроенія.

Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей Воронежскихъ древностей, г. Вейнбергъ, авторъ многихъ историческихъ работъ о Воронежскомъ краѣ,—вызвался показать мнѣ такое мѣсто Донскаго берега, которое, по его мнѣнію, несомнѣнно должно быть „Донскою Бесѣдою“ Книги Большаго Чертежа. Сначала мы отправились съ нимъ для этого въ г. Задонскъ, гдѣ у меня были дѣла.

Мѣстность теперешняго г. Задонска тоже должна была имѣть значенье въ старыя времена. Одно уже появленье именно въ этой мѣстности въ 16 и 17 столѣтіяхъ до 10 монастырей (считая въ томъ числѣ Карачунскій, Донщинскій и др.) ясно указываетъ на какія то особенныя условія, вызывавшія сосредоточенье здѣсь религіозной жизни народа.

Я вообще пришелъ къ убѣжденію, что древніе наши монастыри возникали почти всегда на мѣстахъ, въ которыхъ еще ранѣе, въ эпоху язычества, существовали языческія капища, жертвенники, идолы и другія почитаемыя народомъ святыни.

Христіанское духовенство не могло иначе бороться съ этими вѣками укоренившимися народными влеченьями и привычками, какъ за-

мѣняя языческія популярныя святыни и любимыя празднества—святынями и праздниками христіанскими.

Большія и Малыя Дива на Дону, замѣненныя впослѣдствіи Дивногорскимъ и Шатрицкимъ монастырями,—служатъ этому яркимъ примѣромъ, не говоря уже о старыхъ церквахъ Кіева, которыя построены были при Владимірѣ и Ярославѣ на мѣстахъ идольскихъ капищъ по прямому свидѣтельству лѣтописцевъ.

Святые ключи, святые дубы извѣстны были во множествѣ еще славянскому язычеству, и частое присутствіе ихъ въ нашихъ древнихъ православныхъ святыняхъ (Коренская пустынь, Валаамскій и Коновецкій монастыри и пр.)—несомнѣнно имѣли нѣкоторую связь съ исторіею первобытнаго язычества. Хотя г. Задонскъ возникъ сравнительно недавно (1779), перекрещенный этимъ именемъ изъ старой слободы Тешевой, но само Тешево извѣстно было давно въ числѣ порубежныхъ нашихъ мѣстностей. По крайней мѣрѣ до насъ дошла любопытная договорная грамота 15 столѣтія (1496 годъ) о раздѣлѣ между Московскимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ 3-мъ съ братьями и Великимъ Княземъ Рязанскимъ, тоже Иваномъ Васильевичемъ,—разныхъ порубежныхъ мѣстъ, между прочимъ по рѣкамъ Воронежу и Дону.

„А что моя мордва дѣленая съ вотчинами по Цнѣ и въ Карабутинскомъ уѣздѣ бортники съ оброки, и въ Пластиновѣ, и въ Бовыкинѣ, и въ *Воронежи* и *Донъ* и рыбья ловля въ моемъ великомъ княженіи, а *Романцевъ* весь мой Великаго Князя, и Братиловъ весь, и Ясеновскіе бортники, и Пронскіе бортники, и окологородные бортники, и волости Мещерскіе, со оброки и со всѣми доходы по старинѣ“ пишетъ Иванъ Васильевичъ Московскій, предоставляя затѣмъ своему Рязанскому тезкѣ нѣкоторыя части въ верховьи Воронежа „и *Тешевъ* весь“ „и въ Дону рѣцѣ жеребій, Перевитскіе и Рязанскіе бортники и Мещерскія волости, что сіе тебѣ въ дѣлу достало“.

Это мужское окончанье „*Тешевъ* весь“—наряду съ подобными же выраженьями грамоты о несомнѣнныхъ тогдашнихъ городахъ, каковы „Романцовъ весь“ (вѣроятно, теперешній Романовъ на р. Воронежѣ у г. Липецка) и „Братиловъ весь“,—заставляетъ думать, что въ 15 столѣтіи Тешевъ былъ также не селомъ а городомъ. Городъ Тешевъ могъ даже быть старымъ половецкимъ городомъ Чешуевымъ, который, по мнѣнью Бѣляева („О геогр. свѣд. въ древ. Руси“) стоялъ вмѣстѣ съ городами Галинымъ и Сугровымъ не на низовьяхъ Дона, а въ самой серединѣ его теченья, въ нынѣшней Воронежской губерніи, и имя котораго такъ легко могло быть искажено мѣстными русскими жителями перемѣною Ч въ Т, что вообще нѣсколько свойственно русскому языку (тяжелый, напр., нерѣдко произносится въ просторѣчіи чижелый), глаголы тесать и чесать чрезвычайно близки по смыслу и корню.

Въ лѣтописи Нестора подъ 1116 годомъ разсказывается, что сынъ Владиміра Мономаха Ярополкъ „ходи на Половецкую землю къ Дону и ту взя полонъ многъ и городы три половецкіе: Галинъ (Балинъ), Чешуевъ (Чивлюевъ) и Сугровъ“ „Половцы же, слыша походъ его,

бѣжа се съ вежами прочь. Князь же Великій ходилъ по становищамъ ихъ, иде прочь возлѣ Донъ". (Собр. лѣтоп. I. 128).

Если невѣдомый намъ Чешуевъ можно искать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ въ Тешевѣ, какъ на это указывалъ г. Вейнбергъ, то Галинъ могъ стоять, пожалуй, нѣсколько выше на Дону, на теперешней Галичьей горѣ.

Что Тешевъ могъ быть дѣйствительно городомъ, отчасти можетъ свидѣтельствовать любопытный документъ, помѣщенный въ XV выпускѣ „Матеріаловъ по Исторіи Воронежской губерніи" (Воронежъ 1889 г.), именно выпись изъ писцовыхъ книгъ о селѣ Мокромъ Буеракѣ, Ржавецъ тожъ, которое не было извѣстно за городъ, а между тѣмъ, какъ оказывается, было когда то несомнѣннымъ городомъ; этотъ Ржавецъ, или Мокрый Буеракъ въ сущности даже могъ быть самимъ городомъ Тешевымъ, ибо тоже находился „подъ *Тешевскимъ* лѣсомъ", занимавшимъ въ древности огромное пространство и дававшимъ имя цѣлой обширной мѣстности.

„За бояриномъ за Иваномъ Никитичемъ Романовымъ въ вотчинѣ въ новыхъ починкахъ на Мокромъ Буеракѣ подъ *Тешевскимъ* лѣсомъ, что поселились вновѣ на ево боярской вотчинной землѣ, росчистя лѣсъ, дубраву, на Мокромъ Буеракѣ". „Въ 188 (1680) году по смерти боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, зятя сына его Никиты Ивановича Романова вотчины его с. Мокрый Бояракъ (и другія деревни, поименованныя въ писцовыхъ книгахъ) отписаны на Великаго Государя въ дворцовые селы. Въ 1702 году, Генваря въ 1-й день, по Именному Великаго Государя Указу, изъ дворцовыхъ новоотписныхъ вотчинъ село Мокрый Бояракъ съ селы и съ деревнями, и съ починки, и съ пустошами, и со крестьяны, и съ бобыли, и съ пашнею, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы, и со всѣми къ тѣмъ селамъ и деревнямъ надлежащими угодьи, дано ближнему стольнику и адмиралтейцу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину за ево многую къ нему, Великому Государю, вѣрную службу, съ описью слѣдующаго письма: *„а въ селѣ Мокрый Бояракъ городъ, острогъ стоячей дубовый съ обламами, по острогу башни дубовыя,* а тотъ острогъ ветхъ и во многихъ мѣстахъ развалился". Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе каждой изъ 13 башенъ, 27 пушекъ, ломовыхъ и полковыхъ, ядеръ, пороху, мушкетовъ, пищалей, знаменъ, бердышей и проч., а также „хороминнаго и дворцоваго всякаго строенья". Вокругъ этого города, какъ и вокругъ другихъ настоящихъ городовъ, расположено было нѣсколько *слободъ*—Никитская, Богоявленская, Дмитріевская. Изъ нихъ первыя двѣ слободы до сего времени находятся въ составѣ села Ржавца (Мокрый Бояракъ), а Дмитріевская слобода называется теперь селомъ Архангельскимъ, Борки тожъ.

Эти размѣры неизвѣстнаго исторіи города наводятъ на мысль, что „весь Тешевъ", о которомъ упоминаетъ грамота Ивана 3-го, могъ быть дѣйствительнымъ городомъ на мѣстѣ теперешняго села Ржавца,— одного изъ уголковъ прежняго Тешевскаго лѣса, какъ и самъ теперешній городъ Задонскъ.

Городъ въ этой мѣстности былъ необходимъ уже потому, что черезъ нее шли почти всѣ главныя дороги изъ Москвы и Рязани на Донъ и дальше къ югу. Тутъ проходили дороги Донковская (вдоль Дону), Посолская, Рязанская, Московская.

Кромѣ того, возможно предполагать, что въ древнія времена, когда лѣса еще занимали почти всю площадь между рѣками Доломъ и Воронежемъ, и рѣчки, въ нихъ впадающія, были полны водою, черезъ Тешевскій лѣсъ могли проходить суда изъ р. Воронежа въ р. Донъ, на что указываетъ чрезвычайно близкое сосѣдство верховьевъ рѣчки Бѣлаго Колодезя, на которой расположены Боренскіе заводы, и которая впадаетъ у прежняго города Бѣлоколодска въ р. Воронежъ, съ верховьями р. Рѣпца, впадающаго въ Донъ и протекавшаго поперекъ Тешевскаго лѣса. Въ такомъ случаѣ въ этомъ сообщеньи между двумя главными рѣками Задонскаго уѣзда,—должна была играть извѣстную роль рѣчка *Проходная*, протекающая верстахъ въ 4-хъ отъ нынѣшняго Задонска, подъ самымъ Тихоновскимъ скитомъ, и впадающая въ Донъ недалеко отъ него. Самое имя этой рѣчки, по видимому, указываетъ на то, что она служила *проходомъ* для судовъ, хотя въ настоящее время рѣчка эта, подобно многимъ другимъ когда то многоводнымъ рѣчкамъ, почти совсѣмъ высохла, но ея довольно широкое русло и направленье ея теченья—позволяетъ предположить, что въ старыя времена рѣчка эта въ связи съ р. Рѣпцомъ и, можетъ быть, Тешевкою, могла служить сообщеньемъ между Воронежемъ и Дономъ, причемъ, вѣроятно, требовался на короткомъ пространствѣ сухопутный волокъ.

Что рѣка Проходня была въ прежнія времена живою артеріею этой мѣстности, видно, между прочимъ, изъ того, что около нея расположены остатки очень древнихъ поселеній, подъ названьемъ „селища Проходенскаго“ и „селища Колоденскаго“.

Въ писцовыхъ „отдѣльныхъ“ книгахъ Ельчанъ Чурсина и Пискунова, 23 Апрѣля 1632 года, такъ упоминается объ этихъ селищахъ: „Отдѣлено подъ монастырь Пречистыя Богородицы Владимірской иконы, какъ прежъ было подъ монастыремъ по старой межѣ и гранямъ, а сѣнные покосы и озеро отъ монастыря прямо возлѣ бортнаго лѣсу къ *селищу Колоденскому*, а отъ него къ *Проходненскому селищу*, пустошь возлѣ *лѣсу чернаго Тешевскаго*, отъ *Проходенскаго селища на ямки*, а на ямкахъ стоитъ береза суховѣтка, на пей старая грань, отъ оной грани прямо на *рѣчку Проходню*“ и т. д.

Слѣдовъ селища Колоденскаго я не видалъ, но судя по названью, оно вѣроятно, находилось около *колодезя*, вокругъ котораго выросъ впослѣдствіи Тихоновскій скитъ (въ Тешевскомъ же лѣсу, или же около другаго, тоже священнаго *колодезя*, гдѣ теперь Тюнинскій женскій монастырь. Во всякомъ случаѣ имя этого древняго селища свидѣтельствуетъ о существованіи здѣсь какого нибудь чтимаго въ прежнія времена языческаго колодезя; хотя же въ наше время и есть деревня Колодезная въ близкомъ разстояніи отъ города Задонска, но она нахо-

дится въ Елецкомъ уѣздѣ, на другой сторонѣ Дона, и не можетъ поэтому подходить къ урочищу, упоминаемому въ „отдѣльныхъ книгахъ" Ельчанъ.

Селище Проходненское мнѣ удалось осмотрѣть. Оно называется теперь „Старое селище", а чаще „Старое погребище".

Находится оно на довольно обширномъ плоскомъ полуостровѣ, образуемомъ рѣчкою Проходной и Песчанымъ Логомъ. Обѣ эти сухія рѣчки весною обращаются въ широкіе и глубокіе протоки; обрывъ полуострова приходится какъ разъ надъ береговою низиною Дона, несомнѣнно старымъ его русломъ, такъ что селище это можно считать прямо таки на берегу Дона, который впрочемъ и въ настоящемъ своемъ руслѣ отстоитъ отъ него не далѣе версты. Сейчасъ же за селищемъ, только черезъ рѣчку Проходню, зеленѣетъ молодой монастырскій лѣсъ, и изъ его курчавыхъ волнъ живописно поднимаются главы и колоколенки сосѣдняго Тихоновскаго скита. Деревня же Проходня версты за 3 выше, и ея совсѣмъ не видно отъ стараго Селища.

Г. Вейнбергъ, называющій Проходненское селище Тюнинскимъ вслѣдствіе его сосѣдства съ с. Тюнинымъ, въ своемъ „очеркѣ замѣчательныхъ древностей Воронежской губерніи" увѣряетъ, что оно занимаетъ около 6 квадратныхъ верстъ, что мнѣ кажется значительно преувеличено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ошибочно считаетъ, будто это селище находится на Галичьихъ горахъ, между тѣмъ какъ Галичьи горы верстъ на 30 сѣвернѣе селища противъ с. Патріаршаго, и притомъ въ Елецкомъ уѣздѣ, на правомъ, а не на лѣвомъ берегу Дона. Подобную же ошибку допустилъ и г. Бѣляевъ въ своей картѣ, приложенной къ превосходному труду его: „о сторожевой и станичной службѣ", — показавъ Галичьи горы около Задонска, въ Острой Лукѣ Дона.

Весь возвышенный полуостровъ Проходненскаго селища покрытъ древними могилами. Они такъ часты, что трудно найти между ними свободное мѣсто. Могилы эти должны быть глубочайшей древности, потому что большинство изъ нихъ едва уже поднимаются отъ земли и распахиваются наравнѣ со всѣмъ полемъ. Но есть и очень замѣтные, довольно крупные могильные курганы. Вообще „погребище" это очень напомнило мнѣ древнее, вѣроятно, еще скиѳское кладбище, которое мнѣ случалось видѣть въ очень глухомъ уголкѣ Воронежской губерніи на границѣ Коротоякскаго, Воронежскаго и Нижнедѣвицкаго уѣздовъ, недалеко отъ с. Яблоноваго. Тамъ тоже такой полуостровъ между двумя сухими ложами рѣкъ, только гораздо выше и обрывистѣе, и тоже два разные типа могилъ, одни болѣе древнія, совсѣмъ почти сравнявшіяся съ землею, другія гораздо болѣе высокія и обширныя.

Въ Коротоякскихъ могилахъ болѣе новаго типа при мнѣ были вырыты интересные бронзовые запястья, серьги и ножъ очень грубой варварской работы, черепа и кости людей, а въ могилахъ старѣйшаго типа — глиняные сосуды съ остатками жженныхъ костей и угля..

Могилъ „стараго Проходненскаго погребища" при мнѣ не раскапывали, но г. Вейнбергъ, съ которымъ я осматривалъ „погребище", увѣрялъ меня, что онъ раскапывалъ многія изъ этихъ могилъ по порученю

Археологической Коммиссіи, и нашелъ въ нихъ скелеты людей богатырскаго склада, кремневыя орудія, остатки посуды и проч. вещи, о которыхъ онъ сообщилъ подробно въ Коммиссію. Одни изъ здѣшнихъ могилъ, по словамъ г. Вейнберга, сложены до самаго дна изъ каменнаго щебня, и въ нихъ то онъ находилъ скелеты людей съ голенями чуть не бычачьей толщины и битую посуду. Въ другихъ могилахъ камня нѣтъ, и тамъ были найдены кремневыя вещи. Могилы эти до того стары, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Вейнбергъ находилъ громадные дубовые пни; одинъ изъ такихъ пней пропустилъ даже свои корни сквозь лежавшіе въ могилѣ скелеты. Я не видалъ ни одной изъ находокъ г. Вейнберга и ничѣмъ не могу подтвердить ихъ; но возлѣ г. Рыльска, Курской губерніи, въ рощѣ Николаевскаго монастыря, мнѣ случилось видѣть одинъ изъ самыхъ большихъ и характерныхъ древнихъ могильниковъ, гдѣ между прочимъ на огромныхъ могильныхъ курганахъ ростутъ до сихъ поръ дубы колоссальной величины и, конечно, большой древности. Если я не ошибаюсь, профессоръ Самоквасовъ, раскапывавшій эти курганы, считаетъ ихъ за могильникъ сѣверянъ. Въ Большомъ Хозарскомъ могильникѣ на крутомъ, лѣсомъ покрытомъ, берегу рѣки Воронежа, въ 7 верстахъ отъ города Воронежа, курганы тоже поросли дубами, на толстыхъ старыхъ пняхъ которыхъ теперь выросли цѣлые букеты молодыхъ стволовъ. Я могъ осмотрѣть только одинъ большой разрытый курганъ, мы спустились въ яму, гдѣ огромный камень—плитнякъ, замѣнявшій, повидимому, потолокъ, на половину обрушился и завалилъ дальнѣйшій ходъ въ помѣщенье, подъ нимъ бывшее. Есть-ли изъ этого помѣщенья дальнѣйшіе ходы—видѣть теперь нельзя. Эта яма считается пещерою, а не могилою. На мѣстѣ „Стараго Погребища" былъ прежде сплошной густой лѣсъ, срубленный всего лѣтъ 50 или 45 тому назадъ. По разсказамъ мѣстныхъ крестьянъ, здѣсь былъ постоянный притонъ разбойниковъ, которые и вырыли себѣ пещеру въ землѣ; въ нее будто бы спускались восемнадцатью ступенями, но когда впослѣдствіи мѣстные жители стали выкапывать камни, подпиравшіе потолокъ, то пещера обрушилась, и всѣ ходы завалились. Осмотръ ямы въ ея настоящемъ видѣ не говоритъ ничего ни-за, ни противъ этихъ разсказовъ, такъ какъ никакихъ несомнѣнныхъ слѣдовъ рукъ человѣческихъ въ ней не видно. Свѣдѣнія самихъ крестьянъ объ этой пещерѣ очень не точны, но намъ указали на одного древняго старика изъ числа жителей Тюнина по прозванью „Кочетокъ", которому будто-бы 100 лѣтъ, и который лучше всѣхъ знаетъ про эти старыя дѣла. Кочетка мы розыскали и распросили обо всѣмъ. Онъ коренной здѣшній житель, но теперь совсѣмъ обѣднялъ и больше странствуетъ по монастырямъ, питаясь доброхотнымъ подаяньемъ. Кочетокъ считаетъ себѣ подъ 100 лѣтъ, но въ его лохматой темнокаштановой гривѣ на головѣ еще ни одного сѣдаго волоса, черныя брови придаютъ вызывающе—смѣлый взглядъ его глазамъ, и только въ бородѣ чуть серебрится старческая просѣдь. Кочетокъ хорошо еще помнитъ нашествіе француза.

— „Много ихъ тогда наши позабрали, какъ изъ Москвы выгнали, дѣвать было некуда; по всѣмъ городамъ Царь ихъ приказалъ расточить, даже къ намъ, въ Задонскъ подъ караулъ прислали. Ну только смотрѣть за ними было некому, стали они по деревнямъ шататься, озорничать,—мужики глядѣли, глядѣли, да и поубивали ихъ всѣхъ на токахъ!“

Разсказывалъ съ наивнымъ равнодушіемъ старикъ; словно онъ говорилъ не про собратьевъ людей, а про какихъ нибудь зайцевъ, портившихъ хозяйскіе посѣвы.

— „А пещеру тоже хорошо помню; я-жъ ее сколько разъ видалъ! Лѣсъ тогда глухой былъ на этихъ самыхъ мѣстахъ, а мнѣ какъ разъ досталось тутъ же около нея древа рубить. Мѣсто это изстари „Старое погребище“ прозывалось, пещера была круглая выкопана въ землѣ, по стѣнкамъ дубами ядреными обставлена, а *вмѣсто потолка камень плоскій одинъ огромадный лежалъ навкось, на другую стѣнку*, одна сторона выше, другая ниже; теперь его раскололи мужики наши, онъ и завалился... Въ низкой стѣнкѣ дверь была; оттуда *приступки каменные шли внизъ*. Я сошелъ три ступки, испужался и назадъ убѣжалъ. А старики наши—тогда я еще полуторастолѣтнихъ захватилъ, сказывали, что дверь желѣзная внизу, денегъ много, платья всякія висятъ; тронешь платье, разсыпается; а деньги брали только взаймы, а не то чтобы вовсе; одинъ взялъ такъ-то, да не отдалъ, и пропалъ низачто! Кто жилъ въ той пещерѣ, никто не знаетъ. Тогда вѣдь скрозь по всему этому краю лѣсъ былъ, разбои были страшные. Одинъ разбойникъ такъ прямо за моимъ токомъ жилъ въ лѣсу, таборы держалъ, человѣкъ семьдесятъ у него было; нынче здѣсь,—завтра въ другомъ мѣстѣ, а тамъ въ третьемъ,—вотъ и ищи его. Въ яру они жили, въ лѣсу, а ѣздили въ дальнія мѣста; у нихъ вездѣ были товарищи. Рѣзали каждый день то здѣсь, то подъ Воронежомъ, потому вездѣ лѣса были, бѣда съ ними была! А насъ пять дворовъ всего сидѣло, такъ не трогали насъ; только проѣдетъ, нагайкой погрозится: „помалкивайте!“ крикнетъ. Ну, мы боялись, молчали. Тогда вѣдь и по городамъ лавокъ малость было, да и то какія! Краснорядцы по господамъ все больше въ своихъ повозкахъ ѣздили, товаръ развозили. Вотъ они ихъ и рѣзали. Бывало, ѣдешь лѣсомъ, а короба разбитые скрозь по травѣ валяются. Дня не проходило, чтобы кого не зарѣзали. На насъ съ отцомъ покойникомъ тоже разъ дорогою напали, а мы извозомъ промышляли, такъ хотѣли лошадей у насъ отнять. Ну да́, слава Богу, мы отбились, народъ у насъ все здоровый случился, смѣлый,—чуть не до смерти мы ихъ побили!“

„А жилось все-жъ тогда не въ примѣръ слободнѣе теперешняго, продолжалъ старикъ, увлекаясь своими молодыми воспоминаньями. Мужику заработка куда больше было, ни желѣзныхъ этихъ дорогъ, ни шоссе тогда не было, все мужичкамъ приходилось возить и господъ, и товары...

Вы не глядите на меня, что я теперь нищенка; у меня у одно-

го три дома было, тройки какія, въ Москву, въ Кіевъ гонялъ, а сынокъ мой любезный взялъ да четыре тройки въ карты проигралъ; обрядили меня дѣтки—родныя въ суму, вотъ и ношусь теперь съ ней. На дворѣ зима скоро, а у меня на плечахъ одна вотъ свита дырявая! Чтожъ подѣлаешь? Терпи, видно, что Богъ тебѣ послалъ..."

Разсказъ Кочетка во всякомъ случаѣ подтверждаетъ, что Проходненское селище истари было торговымъ перепутьемъ этого края. Разбойники не стали-бы гнѣздиться въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ бойкаго движенья, и не представляющихъ поэтому постоянной обильной добычи. А что разбойники явились здѣсь только преемниками болѣе древнихъ поселенцевъ, извлекавшихъ свои выгоды изъ мѣстоположенья селища,— несомнѣнно доказываетъ старый могильникъ Проходненскаго „погребища". Существуютъ фактическія доказательства, что и на мѣстѣ теперешняго г. Задонска въ древности происходили какіе нибудь крупные погромы. Іеромонахъ Геронтій въ своемъ „описаньи Задонскаго монастыря" (изд. 1871 года, Москва) напр., сообщаетъ, что „при раскопкѣ въ 1830 годахъ мѣста въ г. Задонскѣ для закладки и бутированія монастырской колокольни нашли огромную могилу, наполненную грудами человѣческихъ костей". Къ сожалѣнью, тогда не было принято мѣръ, чтобы опредѣлить научнымъ образомъ, къ какому именно времени могли относиться похороненныя въ могилѣ кости.

Врядъ-ли на всемъ теченьи своемъ Донъ дѣлаетъ гдѣ нибудь такую рѣзкую и длинную петлю, какую онъ загибаетъ около г. Задонска, всего верстахъ въ 5 ниже его. Петля эта доходитъ до Елецкаго берега у селенія Пониковца и приблизительно отъ села Юрьева рѣзко поворачиваетъ назадъ на востокъ, мимо с. Каменки къ Воронежскимъ мѣстамъ, проходя близко отъ с. Погромнаго. Внутри этой петли расположены два большія села—Верхнее Казачье и Нижнее Казачье. Потомъ теченье Дона еще разъ переламывается подъ прямымъ угломъ на югъ у села Даньшина, дѣлая здѣсь такую же крутую и рѣзкую, хотя болѣе короткую петлю въ обратномъ направленіи, т. е. не къ западу, а къ востоку, до села Ксизова, откуда Донъ возобновляетъ болѣе или менѣе прямое теченье свое на югъ, до урочища Кривоборья, здѣсь онъ опять закручиваетъ на востокъ заостренную, рогомъ искривленную луку.

Такіе рѣзкіе и частые повороты теченья Дона на сравнительно небольшомъ разстояніи—естественно должны были придать въ древности особенное значенье этой мѣстности. Нигдѣ лучше, чѣмъ въ подобныхъ мѣстахъ, не представлялось возможности задерживать плывущія суда и вообще воздвигать всякаго рода боевыя и таможенныя преграды. Несомнѣнно, что этотъ характеръ ближайшаго Донскаго плёса, въ связи съ приведенными уже выше причинами, могъ придать въ свое время значенье и Тешеву. Поселенье внутри Пониковецкой петли Дона двухъ большихъ казацкихъ поселковъ, можетъ быть, еще съ 1487

года, когда, по извѣстіямъ старыхъ лѣтописцевъ, Царь Иванъ Васильевичъ въ первый разъ приказалъ переселить на Донъ Касимовскихъ и Мещерскихъ казаковъ, указываетъ на возможность этого мѣста въ смыслѣ порубежной защиты Московскаго царства. Старинное село Погромное, лежащее на берегу той же петли, также довольно выразительно подтверждаетъ это соображенье своимъ названьемъ. Теперешнее село Ксизово получило свое имя отъ древняго „Оксюзова городища", которое поминается въ писцовыхъ книгахъ Задонскаго уѣзда, и которое уцѣлѣло до сихъ поръ въ видѣ очень замѣтной группы высокихъ кургановъ и валовъ, у самаго Задонскаго шоссе, верстахъ въ 10-ти отъ г. Задонска. Городище это, конечно, остатки прежняго укрѣпленья, охранявшаго крутой поворотъ Дона на югъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имя его связывается въ древнихъ актахъ опять таки съ разбойничествомъ.

Въ челобитной Ельчанина сына боярскаго Сычова Царю Михаилу Ѳеодоровичу, сохранившейся въ числѣ древнихъ Воронежскихъ актовъ (см. Матеріалы по исторіи Воронежской губерніи, вып. XI, акты XVII и XVIII стол. стр. 1776), написано: „По Твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Указу и по Твоей Государевѣ грамотѣ дано мнѣ, холопу твоему, въ Елецкомъ уѣздѣ, въ Засосенскомъ стану, въ жеребей села Никольскаго прихода, что была деревня Аксизова—Городище, подъ Сновскимъ лѣсомъ въ жеребей пустоши внизъ по рѣкѣ по Дону съ *Разбойнаго острова* къ Долгому озерку" и т. д.

Село Даньшино, очевидно, тоже имѣло подобное же значенье. Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи края предполагали, будто въ этомъ мѣстѣ собиралась прежде дань татарами. Но это явное заблужденье, потому что теперешнее названье села Даньшино, какъ можно убѣдиться изъ старинныхъ актовъ, есть ничто иное какъ искаженье слова „Донщина", что значитъ, старый рукавъ Дона. Въ Донщинѣ существовалъ нѣкогда монастырь, построенный въ 1690 году архимандритомъ Московскаго Донскаго Монастыря Антоніемъ, по свѣдѣньямъ церковныхъ писателей, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ останавливался Тамерланъ при своемъ походѣ на Москву, и упраздненный въ 1764 году Екатериною 2-ю. Петръ Великій въ 1699 г. отписалъ Донщинскій монастырь подъ вѣдѣнье Воронежскаго Благовѣщенскаго монастыря, при первомъ открытіи Воронежской эпархіи. Тѣмъ не менѣе существованье монастыря въ Донщинѣ свидѣтельствуетъ, что здѣсь было чѣмъ нибудь выдающееся, а не заурядное поселенье. Но всего убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о важномъ порубежномъ значеніи въ старину мѣстности Тешевскаго лѣса, Донской Бесѣды, Кривоборья, Галичьихъ Горъ, Быстрой Сосны—это постоянная высылка сюда государственныхъ сторожъ, начиная уже съ 14 вѣка, а, по всей вѣроятности, и гораздо ранѣе.

Еще Дмитрій Донской, по выраженью Никоновской лѣтописи (подъ 1380 годомъ) „посла на сторожу крѣпкихъ оружниковъ Родіона Ржев-

скаго, Андрѣя Волосатаго, Василія Тупика и иныхъ крѣпкихъ на сіе и мужественныхъ, и поведе имъ на *Быстрой* и Тихой Соснѣ стеречи со всякимъ опасеньемъ и подъ орду ѣхати языки добывати и истину увѣдати Мамаева хотѣнья".

По первой дошедшей до насъ росписи сторо́жъ „по разспросу боярина Князя Михаила Ивановича Воротынскаго" 1571 года, уже упоминается нѣсколько сторожъ въ этомъ плёсѣ Дона, какъ напр. „сторо́жа *на Дону подъ Галичьими Горами*", „а стеречи имъ на право отъ Галичьихъ горъ вверхъ по Дону до *усть Сосны Быстрыя* 12 верстъ, а на лѣво до усть Липовицы 10 верстъ, а дорога, которою ходятъ позадь *Тишевскаго лѣсу*, пришла къ усть Липовицы-жъ"; „Сторожа у Криваго Бору", и другія.

Въ росписи Воронежскихъ сторо́жъ 1583 г. опять упоминаются сторо́жи „подъ Кривоборомъ", „на Дону подъ Галичьими Горами" и пр.

Въ росписи 1592 года указывается уже прямо сторо́жа на мѣстѣ предполагаемой Донской Бесѣды; „сторо́жа съ Елца стоитъ особная за Быстрою Сосною на полѣ верстъ съ 40, *сверхъ Пониковца*, стоитъ 6 человѣкъ".

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1623 году, сдѣлана была новая роспись всѣмъ сторо́жамъ, и среди нихъ опять называются сторо́жа подъ Кривымъ Боромъ, „сторо́жа Ребецъ (т. е. Рѣпецъ) отъ Донкова верстъ съ 150, поддалась къ городу Воронежу, а проѣздъ съ нея на право до рѣчки до Липовки, 20 верстъ, а на лѣво къ Бѣлу Колодезю 20 верстъ", „сторо́жа подъ Галичьими Горами отъ Донкова 70 верстъ, отъ Елца 20 верстъ", „а отъ сторожъ Ребейца (Рѣпца) до сторожъ до Галичьихъ горъ межъ ими проѣзду 30 верстъ", и между прочимъ, опять таки сторожа у Донской Бесѣды: „сторо́жа по Воронежской дорогѣ на *рѣчкѣ на Пониковцѣ* отъ города 30 верстъ".

Всѣ эти соображенья дѣлали въ моихъ глазахъ довольно правдоподобнымъ предположеніе г. Вейнберга, что Донская Бесѣда, упоминаемая въ книгѣ Большаго Чертежа, находится на дальнемъ концѣ Пониковецкой Луки Дона, куда мы съ нимъ и направляли свой путь.

Г. Вейнбергъ главнымъ образомъ основывалъ свои предположенья о мѣстности Донской Бесѣды на слѣдующихъ данныхъ книги Большаго Чертежа: „а ниже града Ельца до устья р. Сосны и *ниже Донскія Бесѣды* съ Ногайской страны верстъ съ 10 впалъ въ Донъ *Студенокъ Кладязь*, а ниже Студенка кладязя верстъ съ 15 съ Ногайской страны впала въ Донъ рѣка Рѣпецъ". Строго говоря, разстоянья эти совсѣмъ не подходятъ къ мѣстности, принятой за Донскую Бесѣду г. Вейнбергомъ, ибо даже по теченью р. Дона, а не только по берегу—отъ конца Луки Дона до устья Рѣпца значительно менѣе 25 верстъ, даже и нестаринныхъ, а нашихъ 500 саженныхъ, не говоря уже о Студеномъ кладезѣ, въ которомъ трудно не признать рѣчку Студенецъ при селѣ Патріаршемъ, оффиціально именуемомъ до сего времени Нижній Студенецъ, и который однако г. Вейнбергъ готовъ считать за какой нибудь неизвѣстный холодный родникъ. Но такъ такъ

въ 10 верстахъ выше Патріаршаго не существуетъ, какъ мы видѣли, никакихъ слѣдовъ чего нибудь похожаго на Донскую Бесѣду, и такъ какъ Студенецъ с. Патріаршаго не ближе верстъ 40, и даже болѣе отъ устья р. Рѣпца, то необходимо было предположить какія нибудь неточности въ разстояньяхъ, указанныхъ Большимъ Чертежемъ.

Подъ нижнимъ Казачьимъ, на заливной низинѣ лѣваго берега Дона, я обратилъ вниманье на большое, совсѣмъ почти высохшее озеро. Ямщикъ объяснилъ намъ, что жители Казачьяго нарочно спустили въ Донъ воду этого озера, чтобы продать на топливо, дорогое въ этой обѣднѣвшей лѣсомъ мѣстности, густо переплетенные корни камыша, изъ которыхъ нарѣзается кизякъ или торфъ своего рода. Но, повидимому, былыми казаками руководила въ этомъ случаѣ и другая цѣль. Оказалось, что и это озеро связано съ легендою о разбойникѣ, будто бы похоронившемъ въ озерѣ все свое богатство, награбленное долгими годами разбоя. Надежда открыть это сокровище, безъ сомнѣнья, не мало подстрекнула рѣшимость жителей осушить свое озеро.

Правый берегъ Дона, противъ Нижняго Казачьяго, очень высокъ, крутъ и обрывистъ. Онъ заросъ какъ щетиною густымъ, хотя и не старымъ лѣсомъ,—и обходитъ амфитеатромъ своего рода круглую излучину Дона. Мы переправились въ лодкѣ на ту сторону, съ луговой его стороны, оставивъ тамъ своего ямщика, и остановились отдохнуть и оглядѣться у подножія этихъ известковыхъ кручъ въ тѣсной долинкѣ, гдѣ укромно пріютилась мельница г. Русанова и закрытый теперь винокуренный заводъ Исаева. Тутъ же повыше, въ пазухѣ горы, и хуторокъ его, а съ полъ-версты отъ хутора и село Пониковецъ. Это уже Елецкій уѣздъ Орловской губерніи. Видъ снизу на берегъ очень красивый и очень типичный для Дона, какимъ я его видалъ въ разныхъ мѣстахъ Воронежской губерніи. Дуга покрытыхъ лѣсомъ гористыхъ обрывовъ, охватывающая эффектною зеленою декораціею поворотъ Дона, видна на далеко впередъ до самой Каменки. Ближе къ намъ, въ самомъ центрѣ изгиба этой дуги, изъ темной густоты зелени вырѣзаются, словно бѣлыя плоскокрышія башни, круглые обточенные выступы известковыхъ скалъ. Скалы эти стоятъ, сомкнувшись бокъ о бокъ, и кажутся сложенными изъ правильныхъ каменныхъ суставовъ, какъ колонны древнихъ греческихъ храмовъ.

Только одна такая природная башня, округленная рѣзче и выпуклѣе другихъ, выдѣляется въ одиночку, поодаль отъ остальныхъ.

Всѣхъ такихъ круглыхъ выступовъ я насчиталъ пять

Ихъ то г. Вейнбергъ считаетъ за „каменный столъ и каменные суды“ Донской Бесѣды. Нельзя сказать, чтобы подобныя формы известковыхъ скалъ не встрѣчались въ другихъ мѣстахъ. Въ Саксонской Швейцаріи, напр., они далеко не рѣдкость. Но гористый берегъ Дона, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не представляетъ собою подобныхъ образованій.

Гораздо ниже, у устья Тихой Сосны, мѣловые столпы Большихъ и Малыхъ Дивъ имѣютъ совсѣмъ другой, хотя и болѣе оригинальный,

характеръ. Поэтому можно съ вѣроятностью допустить, что эти башнеобразныя скалы, рѣзко выдѣляющіяся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ и своею какъ бы архитектурною правильностію изъ окружающей ихъ лѣсной чащи,—должны были обратить на себя вниманіе проѣзжавшихъ по Дону и жившихъ на Дону туземцевъ и заслужить себѣ отъ нихъ особенное прозваніе. Съ другой стороны, башни эти безъ труда можно принять за гигантскіе каменные столы или сидѣнья, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ по серединѣ обточены больше чѣмъ на верху, такъ что представляются какъ бы стоящими на толстой ножкѣ.

Мы осмотрѣли ихъ самымъ подробнымъ образомъ не только издали, сбоку, но и снизу прямо въ лицо, и даже спустились на нихъ съ вышины берега. Они начинаются, только на полувысотѣ береговаго обрыва и спускъ къ нимъ не особенно затруднителенъ.

Лучше всего мы осмотрѣли отдѣльно стоящій столпъ, съ плоскаго темени котораго открывается роскошная и широкая панорама на село Нижнее Казачье и на оба заворота Донской луки. Темя это настолько просторно, что на немъ можно свободно улечься четыремъ, пяти человѣкамъ. Нижнія основанія столповъ тѣсно окутаны лѣсомъ и вросли въ скаты горы Спуститься къ нимъ съ вершины по отвѣснымъ обрывамъ слишкомъ рисковано и мы на это не отважились. Но всетаки мы разсмотрѣли небольшую пещерку, черное отверстіе которой зіяло въ одномъ изъ выступовъ скалъ. Мѣстные жители увѣряли насъ, что въ ней прячутся теперь лисицы и волки, а когда то жили разбойники. Кажется, что это природная трещина въ скалѣ безъ всякаго участія рукъ человѣческихъ.

Г. Вейнбергъ въ своемъ „Очеркѣ замѣчательныхъ Воронежскихъ древностей“ увѣряетъ, что въ 90 г. онъ насчиталъ въ Донской Бесѣдѣ 7 „громадныхъ колоннъ“, какъ онъ выражается, а отъ остальныхъ (?) остались только слѣды, и что колонны, окружавшія „каменный столъ“, т. е. самую высокую круглую колонну,—„напоминали попарно нагроможденныя одна на другую большія лодки“. Когда же въ августѣ 1891 г. онъ посѣтилъ вторично Донскую Бесѣду (вмѣстѣ со мною) „то вмѣсто 7 оказались въ цѣлости лишь 2 колонны, остальныя исчезли безслѣдно“.

Не позволяю себѣ оспаривать этихъ словъ, такъ какъ я не видалъ прежняго состоянья Донской Бесѣды; скажу только, что въ ея настоящемъ видѣ столпы ея не представляютъ никакого сходства съ лодками, и если на это сходство навело г. Вейнберга только выраженье Большаго Чертежа „каменные суды“, то вѣдь онъ же самъ считаетъ эти суды не за „су́дна“, т. е. лодки, а за „судилища“. Съ другой стороны 5 отдѣльныхъ скалистыхъ выступовъ до сихъ поръ видны очень явственно, какъ это можно видѣть изъ приложенныхъ къ вышеназванному „очерку“ г. Вейнберга моихъ рисунковъ Донской Бесѣды, снятыхъ съ натуры на его глазахъ. Можетъ быть, правда, въ прежнее время эти скалы были выше и отдѣлялись замѣтнѣе отъ горы, чѣмъ теперь, но во всякомъ случаѣ невѣжественное истребленье ихъ на житейскія нужды окрестными жителями, далеко еще не уничтожило ихъ безслѣдно.

Названія Донской Бесѣды никто здѣсь однако не знаетъ и не слыхалъ. Каменные же столпы называютъ почему то „Филюнки". Что такое значитъ: „Филюнки", — мы не добрались, сколько ни распрашивали.

Среди русскихъ селъ встрѣчается названье Фили (извѣстное мѣсто военнаго совѣта передъ оставленіемъ Москвы Кутузовымъ въ 1812 г.), а по малороссійски „Филя" значитъ „вѣтеръ", — но это нисколько не уясняетъ прозванья Донскихъ Столповъ. На вопросы наши, не жилъ ли кто на этихъ столпахъ и къ чему служили они, — мы получили довольно неопредѣленные отвѣты, что жили когда то разбойники и караулили отсюда проплывавшіе по Дону суда. Къ сожалѣнью, краткое указанье на Донскую Бесѣду въ книгѣ Большаго Чертежа не даетъ возможности составить себѣ объ этой „Бесѣдѣ" сколько нибудь опредѣленное представленье. А другихъ письменныхъ свѣдѣній о ней до сихъ поръ не найдено.

Извѣстное путешествіе митрополита Пимена изъ Москвы по Дону въ Азовское море и Царьградъ, совершенное въ 1389 г. и описанное дьякономъ Игнатіемъ, сохранило намъ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія изъ старой географіи Дона; но Донская Бесѣда въ ней не упоминается хотя несомнѣнно, что Пименъ проѣзжалъ мимо нея, и хотя описатель его путешествія не забылъ указать на другіе бросавшіеся въ глаза столпы и камни Донскаго берега, какъ напр. на столпы Дивногорья и на Камень Буилъ. Между прочимъ дьяконъ Игнатій обратилъ вниманіе и на ту своеобразную излучину Дона, которую онъ дѣлаетъ между двухъ селъ Казацкихъ, Пониковца и Каменки, и гдѣ находится предполагаемая г. Вейнбергомъ Донская Бесѣда.

„Въ понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу и Сосну, во вторникъ Острую Луку, въ среду Кривой Боръ, а въ шестый день плаванья устье Воронежа", говорится въ путешествіи Пимена.

И по порядку названныхъ мѣстностей, и по времени пути, и по названью своему „Острая Лука" — это несомнѣнно лука подъ Пониковцемъ, также какъ Кривой Боръ — другая Донская лука, описанная мною выше, и до сихъ поръ сохраняющая свое старое имя Кривоборья, какъ объ этомъ обстоятельно разъяснилъ въ своихъ замѣткахъ по поводу пятисотлѣтія путешествія Пимена М. А. Веневитиновъ.

Однако умолчаніе Игнатія о Донской Бесѣдѣ въ Острой Лукѣ еще не можетъ служить доказательствомъ того, что ея тамъ не было. Игнатій точно также не упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ очень замѣтныхъ и извѣстныхъ въ старину урочищахъ Донскаго берега. Такъ напр., онъ проѣхалъ, ничего о нихъ не упомянувъ, мимо Волотовой могилы немного выше устья Красивой Мечи, мимо „Каменнаго Коня" у устья той же Мечи, мимо Галичьей Горы и т. п. Нельзя же предположить, чтобы столпы Донской Бесѣды или Каменный Конь Мечи, несомнѣнно представлявшій собою древнее языческое божество, обычное олицетвореніе солнца, — появились на Дону уже послѣ Пимена. Стало быть, не въ Острой Лукѣ, такъ въ Галичьей Горѣ, не въ Галичьей Горѣ, такъ еще въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, а Пименъ непремѣнно

долженъ былъ проѣхать мимо Донской Бесѣды, и молчанье его о ней можетъ быть объяснено чистою случайностью, напр., вечернею темнотою, воспрепятствовавшей хорошо видѣть незамѣченныя имъ урочища.

Этотъ пропускъ Донской Бесѣды въ такомъ обстоятельномъ описаньи Донскаго плаванья, вѣроятно и далъ поводъ Карамзину принять за Донскую Бесѣду—известковые столпы Дивьихъ горъ, о которыхъ Игнатій противъ своего обычая распространился довольно много: „приплыли къ Тихой Соснѣ и видѣли бѣлые каменные столбы, дивно и красно рядомъ стоящіе, какъ малые стоги, надъ рѣкою Сосною".

— „Не было ли тутъ кладбища татарскаго?" спрашиваетъ Карамзинъ въ примѣчаніи 132 къ V тому своей Исторіи Государства Россійскаго „въ Большомъ Чертежѣ упоминается о семъ мѣстѣ такъ: ниже устья Сосны на Дону Донская Бесѣда, каменный столъ и каменные съсуды".

Карамзинъ, очевидно, не знакомый на мѣстѣ съ теченіемъ Дона, въ тоже время не вчитался внимательно въ чрезвычайно точное описанье Донскаго теченья и притоковъ Дона въ книгѣ Большаго Чертежа. Хотя тамъ и не названа ни Быстрая, ни Тихая Сосна, а обѣ называются просто Сосною, но за то каждая изъ этихъ рѣкъ отстоящихъ другъ отъ друга верстъ на 200, описана на своемъ мѣстѣ, въ строгой послѣдовательности притоковъ Дона, стоящихъ на немъ городовъ, селъ и урочищъ, такъ что при сколько нибудь внимательномъ чтеніи нѣтъ никакой возможности смѣшать Сосну, на которой стоитъ г. Елецъ, съ Сосною, на которой стоятъ города—Острогожскъ и Бирючъ.

Спасскій, издатель книги Большаго Чертежа, первый указалъ эту ошибку знаменитаго исторіографа.

Другіе наши писатели, упоминавшіе о Донской Бесѣдѣ, только повторяли буквально описанья Большаго Чертежа, и хотя присоединяли къ нимъ иногда свои или чужія толкованія, но ни одинъ изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не розыскалъ на мѣстѣ и не видѣлъ въ лицо Донской Бесѣды. Нѣкоторые изъ подобныхъ толкователей своими объясненіями и дополненіями совершенно искажали смыслъ краткаго описанья Большаго Чертежа. Щекатовъ, напр, во 2 томѣ своего извѣстнаго Географическаго Словаря, вообще не отличающагося критическими взглядами, совершенно произвольно обращаетъ Донскую Бесѣду въ какое то временное устройство рукъ человѣческихъ.

„Донская Бесѣда, урочище на Дону, ниже устья р. Быстрой Сосны, такъ названо потому, что встарину *на семъ мѣстѣ поставленъ былъ (!?) каменный столъ и каменные суды*. Такъ показано въ Большомъ Чертежѣ".

Но въ Большомъ Чертежѣ, какъ мы видѣли выше, было показано вовсе не это.

Въ прекрасной книгѣ Забѣлина „Исторія Русской Жизни", въ III главѣ 1 тома, приведено было извѣстіе Птоломея, что при источникахъ Дона находится какой то памятникъ Александра Македонскаго,

а нѣсколько ниже—памятникъ Кесаря, памятники эти Птоломей называетъ жертвенниками.

Забѣлинъ заключилъ изъ этого извѣстія, что Птоломеевъ жертвенникъ Александра можно пріурочить къ упоминаемой въ книгѣ Большаго Чертежа „Донской Бесѣдѣ", къ ея „каменному столу и каменнымъ судамъ, или сосудамъ", и нашелъ подтвержденіе своей догадки въ приблизительномъ совпаденьи градусовъ, подъ которыми Птоломей показалъ свой памятникъ Александра на Дону, съ градусами устья Быстрой Сосны, гдѣ онъ, согласно книги Большаго Чертежа, предполагалъ мѣсто Донской Бесѣды. Жертвенникъ же Кесаря Забѣлинъ допускалъ возможнымъ отыскивать у устья другой Тихой Сосны, въ упомянутыхъ нами выше мѣловыхъ столпахъ Большихъ Дивъ у Дивногорскаго монастыря.

Конечно, ни Александръ Македонскій, ни Юлій Цезарь никогда не бывали на Дону, а если Александръ и воевалъ съ Скиѳами одинъ разъ съ своимъ отцомъ Филиппомъ, другой разъ будучи уже самъ царемъ Македонскимъ, то только при устьяхъ Дуная въ такъ называемой Гетской пустынѣ, не вдаваясь даже въ теперешнія южно-русскія степи, а не только къ сѣверной части Дона... Но преданія, записанныя Птоломеемъ, очевидно, со словъ людей, плававшихъ по Дону, интересны для насъ въ томъ отношеніи, что они доказываютъ посѣщенье Донскихъ береговъ теперешней Воронежской губерніи и въ его время и до него людьми, знакомыми съ исторіею классическихъ народовъ, которые, по общераспространенному обычаю, приписывали поражавшіе ихъ воображенье курьозы природы или удивлявшія ихъ сооруженья древности любимымъ героямъ народной фантазіи.

Преданія о томъ, будто Александръ Македонскій былъ у насъ на Дону и поставилъ на немъ жертвенникъ, отчасти основано впрочемъ и на историческомъ фактѣ, потому что древніе историки его походовъ, какъ и онъ самъ, и вся его храбрая дружина, проникшая въ самое сердце теперешняго Туркестана, при тогдашней неполнотѣ географическихъ свѣдѣній искренно считали за Донъ рѣку Сыръ-Дарью, до которой дошелъ Александръ Македонскій и отъ которой повернулъ назадъ не одолѣвъ нашихъ предковъ Саковъ, кочевавшихъ тогда за Сыръ-Дарьею, точно также какъ горы Гинду-Куша они приняли за Кавказскія горы.

Нашъ Великій Петръ, со словъ Европейскихъ ученыхъ, тоже вѣрилъ въ легенду о пребываніи Александра Македонскаго на Дону. Веберъ въ своемъ сочиненіи о Россіи, которую онъ посѣтилъ въ 1703 году, пишетъ между прочимъ, по поводу найденныхъ при немъ въ Костенкѣ на берегу Дона слоновыхъ зубовъ: „Царь намъ разъяснилъ, что Александръ Великій, по сообщенію нѣкоторыхъ историковъ, переходилъ эту рѣку и дошелъ до города Костенки, находящагося въ полутора миляхъ отсюда. Ничего нѣтъ поэтому невозможнаго въ томъ, что нѣсколько изъ его слоновъ тамъ пали, а кости ихъ сохранились". (Штукенбергъ; Hydrographie des Russisches Reiches).

Герберштейнъ, извѣстный путешественникъ 17 столѣтія, въ своемъ описаньи Россіи тоже упоминаетъ „о жертвенникѣ Александра Великаго или Императора Іюлія, который у устья Дона или у Азова имѣлъ стоянку", но ничего опредѣленнаго о мѣстѣ этого жертвенника не сообщаетъ. Но разъ Донская Бесѣда не могла быть жертвенникомъ Александра Македонскаго или Юлія Цезаря, то что такое была она? Вотъ любопытный вопросъ, который самъ собою напрашивается каждому изслѣдователю Донской Старины.

Что это такое за „каменный столъ и каменные суды", составлявшіе „Бесѣду"?

Словарь Щекатова (см. 3 томъ стр. 190) пытается дать разъясненіе этимъ выраженьямъ подъ статьею „каменные суды":

„У древнихъ сѣверныхъ народовъ, пишетъ онъ, *суды производились на высокомъ и открытомъ мѣстѣ, вокругъ коего расположены были большіе камни*, служившіе судьямъ вмѣсто *сѣдалищъ* и *посрединѣ* одинъ выше *прочихъ*. Таковыя судилища, по свидѣтельству г. Маллета, находились въ Даніи, Норвегіи, Швеціи и др. государствахъ. Остатки сихъ камней можно еще видѣть въ Зеландіи, въ Швеціи близъ Упсалы, также въ Персіи, гдѣ, по преданію, извѣстно, что каусы (исполины) держали тутъ совѣты. Изъ Большаго же Чертежа открывается, что были нѣкогда таковыя судилища и на Дону и назывались каменными судами для того, что поставлялось 12 каменныхъ сѣдалищъ по числу судей".

Г. Вейнбергъ, которому во всякомъ случаѣ принадлежитъ честь перваго и, я думаю, единственнаго мѣстнаго изслѣдованія положенія Донской Бесѣды, въ своемъ „Очеркѣ замѣчательныхъ древностей Воронежскаго края", изданномъ въ 1891 году и снабженномъ моими рисунками съ натуры предполагаемой Донской Бесѣды и другихъ уцѣлѣвшихъ Воронежскихъ древностей, — придерживается въ своемъ объясненьи „каменныхъ судъ" объясненья Щекатова; точно также и Спасскій, издатель и коментаторъ Большаго Чертежа.

Не отрицая возможности того, что Донская Бесѣда могла служить въ древнія времена мѣстомъ судебныхъ засѣданій или какихъ нибудь другихъ общественныхъ сборищъ, врядъ ли было бы основательно самыя слова *каменные суды* объяснять въ смыслѣ *каменныхъ судилищъ*. Поставленное во множественномъ числѣ и въ тѣсной связи съ *каменнымъ столомъ*, слова эти несомнѣнно обозначаютъ какіе нибудь вещественные предметы, такъ или иначе относящіеся къ столу, а не общее понятіе о судилищѣ.

Карамзинъ пишетъ „каменные съсуды", а не „каменные суды", какъ въ имѣющемся у меня подъ рукою изданіи Большаго Чертежа.

Можетъ быть, въ другихъ изданіяхъ Большаго Чертежа тоже пишется „съсуды" т. е. сосуды. Но это не имѣетъ существеннаго значенья, потому что слова сосудъ, сосуды, посуда—имѣютъ также старинную и теперешнюю областную форму „судъ". во множественномъ ды, судна" (См. „су Толковый словарь Великорусскаго языка Даля).

Стало быть, какъ „суды“, такъ и съсуды“ Донской Бесѣды одинаково могли-бы обозначать скалы или камни, похожіе своею формою на сосуды, напр. кувшины или кубки.

Въ скалахъ Донской Бесѣды, отысканной г. Вейнбергомъ въ Острой Лукѣ Дона, трудно найти какое нибудь сходство съ кубками и всякою другою посудою. Съ другой стороны, едва-ли старинные жители Донскихъ береговъ придали-бы скаламъ разнящимся между собою только размѣрами своими, такія несходственныя уподобленья, какъ „каменный столъ“ и „каменная посуда“. Гораздо правдоподобнѣе видѣть въ словахъ „каменные суды“ — каменныя сѣдалища, что болѣе бы подходило и по общему смыслу, и по формѣ скалъ, къ „каменному столу“, окруженному этими сѣдалищами. А что слово „суды“ мы вправѣ понимать въ смыслѣ сѣдалищъ,—видно изъ того, что слова „суды́“, суда, су́дна“ обозначаютъ собою не только посуду, но и помѣщенья, въ которыя *садятся* плавающіе по водѣ люди. Глаголы сидѣть, сѣдѣти, сажать,—имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ, не смотря на разныя гласныя въ ихъ корняхъ. Неудивительно поэтому, что и слово „суды, суда“, имѣющее въ корнѣ *у* вмѣсто *а* или *и*, могло произойти отъ корня того же значенья какъ сидѣтъ или сажать. Слово „су́дно“ въ смыслѣ переноснаго стольчака или кресла для извѣстнаго домашняго употребленія, представляющее собою несомнѣнное сидѣнье, сѣдалище, уничтожаетъ всякія сомнѣнья въ законности такого словопроизводства. Да и самыя слова сосудъ, посуда, въ сущности, заимствовали свой первоначальный смыслъ отъ того же глагола сажать, помѣщать во что нибудь.

Я не смѣю убѣждать въ этомъ другихъ, но вполнѣ увѣренъ, что даже слово „судъ“ въ значеніи судилища происходитъ отъ тѣхъ же основныхъ корней, какъ и судно, въ смыслѣ сидѣнія. Производство су́да — неразрывно было связано съ засѣданіемъ судей на извѣстныхъ сѣдалищахъ, и вотъ этотъ то внѣшній процессъ засѣданія сталъ мало по малу обозначать собою въ людской рѣчи и самое внутреннее содержаніе судебнаго разбирательства.

Столъ, окруженный сидѣньями, и стоящій на берегу Дона, естественнымъ образомъ и составлялъ „Донскую Бесѣду“.

„Бесѣдами“, „бесѣдками“ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи называются праздничныя сборища крестьянъ, чаще случающіяся о святкахъ и въ другіе зимніе дни. (См. Толковый словарь Даля).

Весьма часто эти бесѣды, или бесѣдки сопряжены съ нѣкоторыми суевѣрными обычаями, явно говорящими объ остаткахъ среди народа давно забытыхъ языческихъ вѣрованій.

Такъ напр., въ большинствѣ мѣстностей эти „бесѣдки“ принаровляются къ окончанью лѣта и началу осеннихъ и зимнихъ дней, къ Симеону Лѣтопроводцу, т. е. 1 сентября, когда удлинившійся вечеръ уже требуетъ зажиганья огня, между тѣмъ какъ до того времени народъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ встаетъ и ложится безъ огня.

Во время этихъ бесѣдокъ стараются поэтому запастись *новымъ*

огнемъ, такъ какъ старый какъ-бы умеръ за лѣто; приэтомъ считается всего лучше добыть *живаго* огня, то есть вытереть его первобытнымъ способомъ деревомъ объ дерево. Этотъ *живой* огонь тщательно сохраняется потомъ до весны на загнеткѣ печи. (См. Толковый словарь Даля). Очевидно, что это уцѣлѣвшій обрывокъ изъ культа бога огня, которому поклонялись наши предки Славяне и даже предки Славянъ Арійцы...

Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ происходилъ обрядъ возрожденья новаго живаго огня въ вѣка нашего язычества. Но можно думать, что онъ былъ окруженъ тогда торжественностью, подобающею священному обряду религіи, и происходилъ открыто при стеченьи народа, а не прятался какъ теперь въ темные углы избъ. Очень можетъ быть, что и тогда праздничныя собранья домовладыкъ, замѣнявшихъ собою жрецовъ у Славянскихъ народовъ, назывались, какъ и теперь въ разныхъ областяхъ Россіи, бесѣдами, и на нихъ происходило торжественное добыванье изъ кусковъ дерева священнаго огня... Очень можетъ быть, что и Донская Бесѣда, открытая огню солнца, и висящая надъ водами священной рѣки,—служила мѣстомъ подобныхъ же религіозныхъ сборищъ,—и потому надолго осталась въ памяти Придонскихъ жителей, хотя въ позднѣйшія времена на этомъ же каменномъ столѣ и каменныхъ сýдахъ могли устраивать совсѣмъ иного рода бесѣды гнѣздившіеся по опустѣвшимъ берегамъ Дона удалые станичники...

Е. Марковъ.

Оттискъ изъ Памятной Книжки Воронежской губ. 1896 г.

Воронежъ. Типо-Литографія Губ. Прав.